

Галина Романова

СВИДАНИЕ
НА НЕБЕСАХ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *Л. Латышова*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Свидание на небесах : [роман] / Галина Романова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-243621-5

Вера никогда бы не обратилась в брачное агентство, если бы не настойчивые уговоры подруги Евы. Искать спутника жизни в подобных конторах не только глупо, но зачастую и опасно, — так считала девушка. Подчас за фотографиями сексапильных красавчиков, вальяжно вззирающих со страниц анкет для знакомств, скрываются озабоченные психи всех мастей, да и просто брачные аферисты. Но Вере, несомненно, повезло. Ее избранник был безумно красив, невероятно богат, исключительно вежлив и обходителен. Но после свидания с ним Веру больше никто не видел. Неужели она, нырнув в любовный омут с головой, уехала на край света со своим сказочным принцем и бросила все? Подобный поступок совершенно не в ее духе. Вера бесследно исчезла, и не только она одна, но и другие претендентки, клонувшие на перспективного холостяка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243621-5

© Романова Г.В., 2026
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2026

Он смотрел на спящую девушку, и к горлу подступали слезы. Почему ему всегда хотелось плакать, когда они спали? Что вызвало у него такое волнение? Милая расслабленность в их лицах? Нежно рассыпавшиеся по подушке и плечам волосы? Припухший нежный рот?

Или то, что они просто молчат? Спят, мягко дышат и молчат?! И этот пухлый, едва приоткрытый рот не изрыгает мерзких слов, ругательств, не просит сигарету или бокал вина! Вот-вот! В этом, видимо, причина. В молчании. В тихом и покорном присутствии в его жизни. Они — девушки — могут быть послушными, спокойными, не визгливыми, не орущими только лишь во сне.

Они все такие. Все. И эта, которую он теперь любовно оглядывает, не исключение. Она безмятежна, пока спит. Она мила, уравновешенна, пока спит. А стоит ей пробудиться, стоит распахнуть глаза, как тут же начнется!..

Его взгляд соскользнул с нежной щеки, пополз по шее с лиловыми следами от его пальцев. Потом двинулся ниже по обнаженной груди, животу, бедрам, щиколоткам.

Со щиколотками вдруг обнаружилась проблема. В местах, где их стягивали резиновые жгуты, начало кровоточить. Руки оказались крепче. С запястьями было все в порядке. Не было крови, и почти не было видно синяков. Почему? Может, потому, что ноги она пыталась свести гораздо чаще? Всякий раз, как он принимался за нее, она дрыгала коленками, невероятно напрягала икры. Приходилось щипать ее и шлепать. Ему было неудобно!

Вообще с этой сучкой оказалось очень много проблем. Много спит, когда не спит, много визжит и плачет. Потом задыхается от соплей, забивающих ей нос во время истерики. А вчера вечером обмочилась! Гадина, мерзкая, противная гадина! Ему долго пришлось возиться, меняя белье ей, под ней. Шелковые простыни, которые были приготовлены им для самого главного, самого последнего дня, пришлось стелить уже вчера.

Может, стоило свернуть трехнедельную программу и закончить все раньше? Сегодня, к примеру, а?

Нет, рано.

Во-первых, ему бы тогда нечем было заняться. Во-вторых, следующая когда еще будет! Есть наработки, конечно, но все равно уйдет немало времени. Сторонних трогать нельзя. Он не дома! Здесь с этим строго.

Ему вдруг надоело ее рассматривать, и он с силой опустил растопыренную ладонь ей на живот. Девушка судо-

рожно дернулась, тут же застонала и открыла припухшие глаза.

— Пить, — попросила она.

Он досадливо сморщился. Ну вот! Начинается! Рот у них открывается одновременно с глазами. Будто внутри их красивых головок все связано прочным коротким шнуром, приводимым в действие движением век.

— Пожалуйста, пить... — прохрипела девушка.

И он тут же уловил в ее хрипе близкие слезы.

— Если станешь рыдать, не получишь ничего. И будешь наказана! — Он многозначительно посмотрел на ее живот, где виднелся отпечаток от его растопыренной ладони.

— Не буду. Дай пить. — Девушка судорожно вздохнула, отвернулась от него к окну.

— А что бы ты хотела попить? — поинтересовался он глумливо и погладил себя по ширинке домашних легких штанов.

— Дай воды, сволочь! — крикнула она окрепшим голосом. — Хотя бы сейчас — дай воды!

Он бы не стал поить ее водой, не придумай с утра на сегодня новую игру с ней. Без воды она могла загнуться раньше времени. Он дал ей воды. Много! Гораздо больше, чем она могла бы выпить за один раз. Он окунал ее красивую головенку в ведро с ледяной водой ровно столько, сколько понадобилось ей для того, чтобы начать задыхаться.

— А где спасибо? — Он схватил ее за уши и приподнял голову от подушки, потряс с силой. — Где спасибо, неблагодарная дрянь?!

— Спасибо, — выдавила она через силу и снова закрыла глаза.

И сколько он потом ни шлепал ее, ни тормошил, ни порол тонкой хворостинной, оставляющей на ее белоснежной коже тонкие багровые полосочки, глаз она так и не открыла.

— Ну и черт с тобой! Валяйся тут до вечера. А я — в город, — оповестил он ее, вваливаясь в маленькую комнату позади снятого им дома на чужом побережье. — Как я выгляжу? Спишь, дрянная девка? Ну и спи голодная. Как знаешь!

Она упорно держала глаза закрытыми, но видела его прекрасно. Научилась за минувшие несколько дней наблюдать за ним сквозь полуопущенные ресницы. Ресницы были длинными и густыми, и чудовище не замечало, когда находилось под наблюдением. Это было ее преимуществом. Единственным, которым она пользовалась. Все остальное было бессмысленным. Все, включая надежды на спасение.

Она не спасется, это как дважды два. У него все отлажено. Все, включая уничтожение улики. А в его деле главная улика — это тело. Тел он не оставляет. Он психопат с солидным стажем, сам ей хвалился, показывая фото своих жертв

перед тем, как подвергнуть их уничтожению. У него все продумано. Она одинока, родственников, способных хватиться ее и начать разыскивать, у нее нет.

Летели они разными рейсами. Он ее не встречал в аэропорту. Она просто села в машину, которую он для нее арендовал и оставил на стоянке. Ключи нашлись под водительским сиденьем. И поехала по адресу, который он ей продиктовал по телефону. В этот заброшенный домик на краю горного плато она приехала под покровом ночи. Машина с темными стеклами. Захотел бы кто-то увидеть ее, не рассмотрел бы. А рассматривать-то было некому. Домик на лето сдавался, соседей не было. Ближайший поселок — в десяти километрах.

Когда она вышла из машины, подошла к обрыву и глянула вниз на крохотные точки огней далеких чужих окон, ей сделалось немного жутковато. «Господи, обо мне никто ничего не знает», — мелькнула страшная мысль. Соберись он сейчас столкнуть ее с обрыва, она погибнет. И никто ничего не узнает. Соберись скормить диким кошкам, тоже никто ничего не узнает. Даже по просроченной визе ее не станут искать, въезд в эту страну был безвизовым.

Она поежилась, почувствовав, как по спине под платьем скользит прохладный, неприятный ветерок. Но он тут же обнял ее, быстро сообразив, насколько ей неуютно. Прижал к себе, шепнул:

— Нам никто, никто не будет мешать находиться в раю! Посмотри, какое небо!

Небо было прекрасным. Огромный купол запросто мог быть подарком любому астроному.

— Здесь виден край Вселенной, дорогая... — шептал он, увлекая ее в дом, где уже был накрыт шикарный стол.

Они пили, ели, болтали. Потом он предложил ей принять душ. Она вошла в тесную душевую, облицованную белоснежным кафелем, разделась и... больше уже не вышла. Оттуда он вынес ее на руках. Уложил на кровать, и все! С этой кровати она не слезает уже вторую неделю. Или третью? Господи! Сколько же прошло времени?! Она не помнит! Она, наверное, сходит с ума. От боли, унижения, от осознания, каким чудовищно постыдным станет ее конец.

Эта мразь превратила ее тело в мясо! Превратила ее чистоту и гордость в пустоту и униженное смятение. Скорее бы уже все закончилось, скорее!

— Так я пошел? Ничего не хочешь мне пожелать?

Красивый, молодой, с гибкой, мускулистой фигурой, так понравившийся ей на фотографии. С невероятно милой улыбкой и добрыми карими глазами. Он любую женщину способен был свести с ума. В хорошем смысле этого слова.

Ее он теперь сводил по-настоящему.

— Ничего не пожелаешь мне, дорогая? — Его голос зазвучал вдруг у самого уха, и тут же грубые пальцы потянули

вверх ее веки. — Смотри на меня! Смотри! Я знаю, что ты не спишь! Смотри!!!

Она подчинилась, было больно, когда он рвал кожу ее век.

— Что ты видишь? Что?!

— Тебя, — шепнула она.

— И как я? Как?

— Красивый. Милый. Замечательный. — Она выучила обязательные слова наизусть, после них он обычно отставал.

— Что мне пожелаешь?

Он начал давить ей на голые глазные яблоки, страшно резало. Хотелось плюнуть прямо в свежевыбритое холерное лицо и пожелать издохнуть. Но она послушно произнесла:

— Удачи... Я желаю тебе хорошо развлечься.

— Умница. — Он позволил ее глазам закрыться, но ушел не сразу. Принес ей овсяной каши и скормил тарелку. — Вот теперь спи.

Наверняка в каше было снотворное. Он всегда его подсыпал в еду, когда собирался уехать. Чтобы она не смогла привлечь ничего внимания. Чтобы не орала. Конечно, тут никто никогда не пробегал, а вдруг?

Дверь хлопнула. Потом взревел мотор той самой машины, на которой она сюда прикатила. И на нее минут через пять начали наплывать волны тяжелого, болезненного сна.

Последняя мысль, с которой она обычно проваливалась в черную бездну, всегда была одна. Она была мучительна и постыдна и сильно терзала душу. Даже больше, чем это чудовище.

Она выбрала его сама! Ее палец ткнул в фотографию, и язык повернулся, чтобы сказать той женщине:

— Я хочу его!..

ГЛАВА 1

Фасад старинного двухэтажного дома из серого кирпича украшали две вывески. Первая, слева от выщербленных ступеней, почти вровень с козырьком над дверью, безо всякого золота, синим по белому скромно заявляла о юридической конторе. Чуть ниже и чуть мельче шел перечень всяческих услуг. Тут были всякие: от нотариальных до адвокатских, и часы работы. Еще ниже чьей-то неуверенной рукой была сделана приписка: козлы и жулики. Дверь юридической конторы почти всегда была чуть приоткрыта и при сильном ветре препротивно поскрипывала. Этот скрип она выучила почти наизусть. Он ей даже пару ночей назад приснился. Хотя ее вовсе не интересовала ни эта контора, ни приглашающе приоткрытая дверь.

Объект ее интереса располагался чуть дальше. В трех метрах от выщербленных ступенек. Там тоже были ступени, но обновленные красивой плиткой. Тоже была дверь, но дорогая и плотно прикрытая. И тоже была вывеска почти вровень с красивым козырьком. Над дверью. Поле

вывески было золотым, и по нему красивой вязью шла темно-бордовая надпись:

«Служба знакомств», и дальше — совсем банально: «Брачное агентство «Встреча».

Потом шли часы приема, и становилось понятно, что работа ведется почти круглосуточно. И если вас не готовы или не могут принять за добротной дверью, то по телефону непременно ответят. И уж на сайте-то их «Встречи» вам точно будут рады!

«Ждем вас! Мы вам всегда рады! Вы будете счастливы! Вы не будете одиноки!»

На таком вот позитивном подъеме заканчивалась темно-бордовая вязь по золотому. И прямо вот хотелось верить, что все именно так и есть: и рады, и ждут. И что все так и будет — и счастливы, и не одиноки. Причем все!

Вера поежилась, оглядела пустынную улицу. Заходить было боязно. Продолжать стоять ровно посередине между двух контор становилось и холодно, и неприлично. Она и так уже давно сюда ходит. На нее из юридической конторы уже кто-то таращится в окно. Поэтому она стала приходить позже. Но все равно таращатся. Может, ей кажется? Может, она заболевает какой-то страшной болезнью, которая начинается с разных странностей, а заканчивается психушкой, а?

Вера шагнула в сторону службы знакомств и снова остановилась.

Так, надо еще раз повторить про себя все, что она будет говорить.

Одинока. В разводе. Или наоборот? Сначала в разводе, а потом одинока? Какая разница!

Итак, сначала...

Она разведена. Давно? Для кого как! Ей весь прошлый год показался вечностью. Ее подруге Еве — кратким мигом. Та вообще живет незатейливо, наспех, наскоком. Понятие комфорта ей непонятно. Он для нее там, где можно принять душ, перекусить и выспаться. Она все время куда-то опаздывает. На какие-то встречи, презентации, званные вечера. Ей все время нужно чего-то добиваться, наслаждаться какими-то достижениями. Иначе жизнь для нее лишена всякого смысла.

— Если я остановлюсь, я умру! — утверждает Ева, почти на ходу проваливаясь в сон в ее доме, когда выдается случай туда попасть. — Стану я тратить время на какие-то идиотические условности типа семейного очага, интерьера, налаженного быта! Фу-фу-фу! Это такая скука, Вера! Если бы не наследство, у меня точно и дома-то не было бы. А муж? Это вообще что такое???

— Это человек, который тебя любит, которого любишь ты, — тихо отвечала Вера, слабо веря уже в собственное утверждение.

— С ума сошла!!! — У Евы даже глаза переставали слипаться в такие моменты. — Вторую и третью буквы я рас-

шифровываю как «ужасно жалкий». Первую можешь додумать сама.

Какое слово на букву «м» могла придумать Ева, Вера догадывалась. Ева не очень высокого мнения была о мужчинах. Может, потому, что они ее очень ценили? Вокруг нее всегда околачивалась свора поклонников. Она могла ткнуть пальцем в того, кто угоден ей был именно на данный час и день, и тот послушно следовал за ней. И...

Так, она опять отвлеклась! Так ведь и не дойдет никогда до крыльца с отреставрированными ступеньками!

Итак, она в разводе уже год. Живет одна. В квартире на набережной. Большая квартира? Тоже вопрос относительный. Еве, к примеру, в ее трех комнатах тесно. Для нее самой их слишком много. Уже вот как год.

Работает? Нет. Почему? Так сложилось. Средства есть? Да, есть. Откуда?

Тут у Веры всегда начинали дрожать губы, и заволакивало слезой глаза. Признаваться в том, что живет сейчас на проценты от денег, которые выплатил ей муж в качестве отступных, было отвратительно. Это было правдой, и это было отвратительно.

— Ты возьмешь эти деньги, Вера! — настаивал он, нарежая круги вокруг стула, на котором она сидела в центре гостиной. — Тебе просто-напросто надо на что-то жить, пить, есть, платить за квартиру. Тех денег, которые я тебе оставляю, хватит... Даже и не денег, а процентов с них. Проценты

ежемесячно станут приходить на твою банковскую карточку. Ты можешь снимать их полностью, можешь снимать сумму, которая тебе конкретно нужна. Одним словом, на проценты ты сможешь вполне прилично жить.

— Мне ничего не надо, — возражала она слабым голосом, уже зная, что будет так, как он сказал. Так всегда бывало.

— Не тебе решать! Я сказал, и так будет.

И так и стало. Она в самом деле жила на те деньги, что капали на банковскую карту. Не так чтобы с шиком жить, но хватало, иногда даже оставалось.

— Почему тебе не распотрошить этот солидный счетик, а, мышка моя? — частенько приставала к ней Ева. — Там приличные бабки, судя по процентам. Дай взглянуть.

Вера показала. Счет оказался не один. Ева долго недоуменно моргала, рассматривая ее, как ископаемое. Потом красивое, породистое лицо ее сморщилось от жалости.

— Убогая ты все же, Веруня. Какая же ты убогая!

— Почему?

— Да потому, что на эти деньги ты могла бы купить себе домик где-нибудь на теплом берегу. Открыть небольшое дело. Если не так, то хотя бы поколесила по миру. Повидала его! Полностью могла бы поменять свою сизую жизнь, голуба моя! Полностью!!! И у тебя бы еще и осталось!!! А вместо этого ты влачишь пусть и не жалкое, но существование

в этой тихой берлоге. — В этом месте Ева непременно пи-нала какой-нибудь предмет ее дорогой мебели. — Никуда не ходишь, ни с кем не встречаешься. Не наряжаешься как надо!

— С кем, господи?! — Она боязливо ежилась. — С кем мне надо встречаться?!

— С мужчинами!

— Очумела??? — ужасалась Вера.

— С кем еще? — Ева надрывалась смехом. — Ищи себе мужика и живи уже, живи, Веруня! Ярко, остро, сочно!!! Дыши полной грудью!!!

Она так не могла. Она могла жить тихо, размеренно, созерцательно.

— От дыхания такого может случиться колотье в боку, — ворчала она на подругу. — И от яркой жизни можно ослепнуть. А для острого общения мне вполне хватает тебя, подруга. За глаза хватает.

Еве это льстило. Она засыпала, убаюканная Верининой заботой, а утром летела снова сломя голову куда-то. И так куда-то и улетела. Полгода уже не является в страну. Звонила часто, часами торчала в скайпе, уже трижды поменяла цвет волос и прическу. Какой-то мужчина постоянно маячил за ее спиной. Вера несколько раз видела его подтянутый голый живот, выглядывающий из-за Евиного плеча. На вопрос о том, кто это, Ева жеманилась, хихикала, но так ничего и не ответила. А потом однажды...

С этого вот «однажды», собственно, и началась ее маета под дверью службы знакомств.

Однажды Ева пропала. Просто перестала быть доступной по мобильнику. Не выходила в Интернет. Не отвечала даже на бумажные письма, отправляемые ей Верой по адресу, который Ева ей сама сообщила. Тогда она осмелела, нашла в международном электронном справочнике номер полицейского участка этого городка и позвонила туда. На хорошем английском она спросила дежурного, не могли бы они выяснить судьбу ее подруги, в последние месяцы проживающей там-то и там-то. Ее внимательно выслушали, потом попросили прислать запрос в официальном порядке. И когда она все это ценой невероятных усилий совершила — спасибо бывшему сокурснику, помог — выяснилось, что Евы по нужному адресу нет. Что дом был не так давно обстрелян неизвестными. В доме были найдены трупы троих взрослых. Один труп из трех женский. Но нет, нет, это не Ева — поскольку женщина, погибшая под автоматным огнем, была пожилой и толстой.

Ей потом еще много вопросов задавали про Еву. Она послушно отвечала. Потом звонки прекратились. И вдруг месяц назад Ева объявилась — позвонила с другого конца света. Снова счастливая, веселая, беззаботная.

— Обстреляли, говоришь?! Ни фиги себе! — орала она Vere в ухо. — А ты молодец, голуба моя! Даже не ожидала

от тебя такой прыти! Позвонила, справки навела. Надо же... Но больше не делай так никогда, ага?

— Ага! — Вера ничего не понимала и решила уточнить. — А почему?

— Мало ли! Вдруг я там была бы замешана? И ты меня просто, получается, копам сдала, и все!

— А ты... Ты могла быть замешана?

— В чем?

— Ну... В чем-то нехорошем, Ева?

— Нет, дурочка, не дрейфы! — И Ева снова беззаботно рассмеялась. — Чтобы успокоить тебя окончательно, скажу, что та квартира сдавалась постоянно. После нас хозяин сдал ее каким-то наркокурьерам.

— О господи!

— Вот так. А мы тут ни при чем. Мы съехали за пару недель до той перестрелки.

— Так ты знала?!

— Ну да, газеты читаю. И знакомых в полиции у меня не так уж мало. К слову, мой бойфренд бывший коп. Хотя мы расстались. Но он меня таким штучкам обучил! Хоть агентство открывай.

— Какое? — У Веры в тот момент вдруг дико разболелась голова, захотелось прилечь, подремать в тишине.

— Детективное, какое же еще! — фыркнула Ева с другого конца планеты. — Такие дела, подруга!

— Понятно...

Вера замялась, не зная, как свернуть разговор, от которого устала. И чувствовала себя полной дурой. Искала того, кто никогда и никуда не пропадал. Сколько сил и нервов потратила. Сашка теперь напрашивается на ужин в отместку за услугу, которую ей оказал, а ей не хочется. И в итоге ей еще и порицание вынесли!

— Ой, я чего звоню-то, Вера! — Ева беззаботно хохотнула. — Я тут твоего бывшего видела.

— Где?!

Внутри сразу стало пусто и больно одновременно, хотя, казалось бы, так не бывает. Бывает либо пусто, либо больно. У нее вот совместились. Так же, как ухитрилась жить в душе любовь-ненависть к бывшему супругу. Она будто бы по нему и тосковала, и ощущала ночами его дыхание рядом с собой, чувствовала его присутствие где-то в комнатах. И в то же время ничего этого не хотела: ни тосковать, ни ощущать, ни чувствовать. Она же знала, что не простит его никогда. Не простит не того, что он ее бросил. А того, что разлюбил. Увлекся другой, более удачливой, более молодой, более светлой и позитивной.

— Я встретила его на одной вечеринке по случаю инаугурации тамошнего губернатора. Народу было полно, и я его не сразу узнала. То есть, я хочу сказать, я его в упор не видела и не замечала, пока нас не взялись познакомиться, — частила Ева, проглатывая окончания.

— И кто же вас взялся познакомиться?

Вера старалась дышать ровно, думать спокойно, но все сбивалось в противный ком — и дыхание, и мысли.

— Его супруга! Я ведь ее, оказывается, знаю, — закончила Ева с кислинкой. — И не молодая она вовсе, как ты говорила. Она вообще старше тебя на шесть лет.

— Да ладно! — Дыхание вдруг выровнялось. Перед глазами прояснилось. — Красивая?

— Ты знаешь... Таких красоток салоны за день с десяток выплывают. Любую уродину преобразят. Короче... — оборвала себя Ева. — Мы с ней и в России не раз на малой родине пересекались. И я бы никогда не подумала... Все как-то странно... Так вот, мы с ней болтаем, болтаем. Она мне рассказывает, что вышла год назад замуж. Нашла себе мужика шикарного через службу знакомств.

— Что???

— Вот именно! — тут же подхватила Ева, поняв ее. — Эта сволочь разлюбезная отослал портфолио на их сайт, еще когда жил с тобой!

— И правда сволочь, — упавшим голосом подтвердила Вера.

Ей всегда казалось, что новое чувство ее ненаглядного Семена застигло врасплох. Он и не хотел, да так вышло. Он и сопротивлялся, да не устоял. Но чтобы посылать портфолио в службу знакомств!!! Это же...

Это же подло! Готовил себе запасной аэродром, проживая с ней? Мечтал о чем-то невероятном, укладываясь